

© 1991 г., СЭ, № 4
О. Ю. Артемова

**ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ:
А. Н. МАКСИМОВ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ**

Случилось так, что Александр Николаевич Максимов, глубокий и оригинальный ученый, сыгравший совершенно особую роль в развитии отечественной этнографической науки — прежде всего той ее области, которая связывается с теоретическим изучением первобытного общества, через сравнительно небольшое время после своей смерти оказался почти забытым. Существует лишь одна публикация, где этому исследователю воздано по заслугам: некролог, написанный С. А. Токаревым¹. Можно только удивляться тому, как удалось С. А. Токареву дать углубленный и всесторонний анализ научной деятельности Максимова, сделать это в узких рамках некролога, совместив объективность в оценке трудов Максимова с теплым чувством и почтением к ученому старшего поколения. Однако с тех пор прошло более 40 лет. В опубликованных за это время историографических работах встречаются лишь отдельные краткие упоминания об А. Н. Максимове, причем не всегда объективные и справедливые. А между тем главные его работы не утратили теоретического и методологического значения до сих пор. Многие его выводы, долгое время отвергавшиеся или просто замалчивавшиеся, сравнительно недавно и в значительной мере независимо от его трудов были вновь сделаны советскими авторами и пробивали себе дорогу в нелегкой борьбе. Некоторые поднятые Максимовым вопросы и намеченные их решения только сегодня и опять-таки не под влиянием его работ встали на повестку дня. Некоторые — еще ожидают своих исследователей.

Пожалуй, наиболее характерными чертами Максимова были независимость мнений и поступков, стремление во всем и всегда идти своим особым, самостоятельно избранным путем. И это, конечно, существенным образом сказалось и на его биографии, и на его творчестве, и на посмертной судьбе его исследований. Начать хотя бы с того, что, будучи человеком весьма одаренным, исключительно широко эрудированным и высоко квалифицированным как историк и этнограф, он не имел даже университетского образования и только на довольно короткое время — 12 лет, — главным образом, очевидно, благодаря неразберихе послереволюционного периода, получил доступ к преподавательской и исследовательской работе по специальности. Вся же остальную жизнь он вел свои этнографические изыскания в свободное от основной — всегда другой — работы время.

Он родился в 1872 г. в Орле в семье приходского священника и рос среди людей неплохо образованных, но не отличавшихся независимостью взглядов и критическим направлением мысли. По крайней мере эти качества, рано проявившиеся у Максимова, неизменно вызывали неодобрение домашних, тем более что именно им приписывались в семье его неудачи и неприятности, длительное

Рис. 1. А. Н. Максимов

отсутствие жизненного успеха. Сложившееся у него в старших классах гимназии убеждение в несовершенстве существовавшей в то время в России системы образования и невысокое мнение об уме и способностях большинства преподавателей выражались со свойственным юности максимализмом и послужили причиной весьма пренебрежительного отношения к требованиям официального обучения. Поступив в Московский университет на физико-математический факультет, он скоро потерял интерес, перестал ходить на занятия и вносить плату, был отчислен и начал зарабатывать на жизнь литературным трудом. Одновременно продолжал образование самостоятельно и за несколько лет систематических занятий достиг весьма высокого уровня профессионализма как историк и этнограф и как журналист. В дореволюционный период А. Н. Максимов совмещал научную работу с публицистической и общественно-политической деятельностью. Он входил в партию конституционных демократов, был сначала сотрудником, а затем заместителем главного редактора газеты «Русские ведомости», членом, потом одним из руководителей этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, постоянным сотрудником энциклопедического словаря Гранат. После революции 1917 г. был профессором Переднеазиатского института (впоследствии Институт востоковедения) (1918—1922 гг.), профессором Московского университета (1919—1930 гг.), а также сотрудником научно-библиографического отдела библиотеки Румянцевского музея — впоследствии Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (с 1919 г. до последних лет жизни).

Как и многие русские ученые, его современники (В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. И. Иохельсон и др.), А. Н. Максимов впервые серьезно увлекся этнографией в политической ссылке (в Архангельской губернии), куда он попал на три года (1895—1898 гг.) за участие в подпольной организации «Народное право». Однако в отличие от большинства других этнографов Максимов

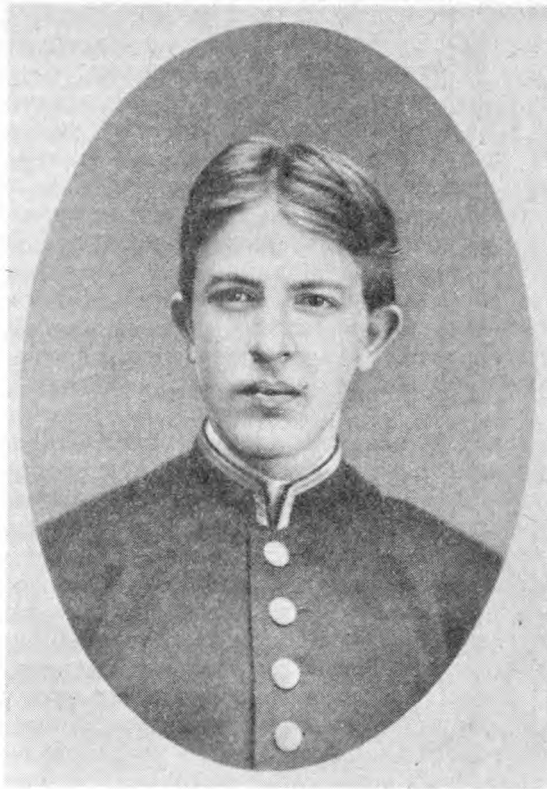

Рис. 2. А. Н. Максимов — гимназист. На обороте надпись его рукой: «Иди своим путем и не оглядывайся по сторонам».

начал научную работу не с исследования быта одного или нескольких народов и не с изучения отдельных этнографических проблем, но сразу же попытался как бы охватить весь предмет этнографии в целом, исследовать пути ее развития, понять современное состояние и перспективы, выделить коренные проблемы и выяснить, что было сделано для их решения предшественниками.

У него никогда не было региональной этнографической специализации. Он в равной мере хорошо владел материалами по народам Евразии, Африки, Америки и Океании. В то же время с первых лет этнографической работы у него обнаружился устойчивый интерес к стоявшим тогда в центре внимания этнографии вопросам истории семьи, брака, родовой организации, ранней истории развития хозяйства, религиозных верований.

По вполне понятным причинам, несмотря на устойчивость этих главных научных интересов, конкретное содержание дореволюционных и послереволюционных исследований Максимова сильно разнилось. Вместе с тем не только характер его научной деятельности после 1917 г., но и судьба всего его творческого наследия в огромной мере были определены ходом развития этнографической науки в советское время. Поэтому не только послереволюционное, но и дореволюционное творчество Максимова представляется целесообразным рассматривать сквозь призму того, что происходило в отечественной этнографии, прежде всего в изучении первобытного общества, после революции.

Как это хорошо известно, в 1920-е годы в советской этнографии была декларирована задача разработки марксистских методов исследования, которая с особой интенсивностью реализовывалась в области изучения ранних стадий социальной эволюции, вызывавших специфический интерес у обоих осново-

положников марксизма. При этом вследствие того особого влияния, которое оказали на К. Маркса и Ф. Энгельса Л. Морган и некоторые другие представители эволюционистского направления в этнографии, советский «этнографический марксизм» вступил в своего рода симбиоз с классическим эволюционизмом, что сказалось даже в выборе исследовательских тем: преобладал интерес к истории семьи и брака, родовой организации, систем родства, религии. Хозяйству, экономике уделялось сравнительно мало внимания. В том же русле классического эволюционизма социальное развитие человечества мыслилось в виде однолинейного сугубо поступательного процесса, и общества на ранних стадиях социальной эволюции представлялись весьма единообразными, характеризующимися определенным набором социологических и культурных универсалий. Интерес к генезису различных социальных институтов и культурных феноменов бесконечно перевешивал интерес к их сущности, механизмам функционирования и функциональному же их назначению в контексте конкретных культур.

Тем не менее марксистский эволюционизм 1920-х годов выступал в виде комплекса общих концептуальных установок, а не в форме готовых решений тех или иных проблем, как это стало позднее. Поэтому в публикациях того времени можно встретить значительное разнообразие оригинальных авторских решений, не похожих друг на друга концепций. Существовала творческая атмосфера, отчасти унаследованная от дореволюционной эпохи, отчасти стимулированная молодым энтузиазмом новых исследователей. Конец 1920-х и самое начало 1930-х годов отмечены выходом в свет целой серии работ, в определенной мере не утративших своего значения до сих пор. В ряде отраслей советской науки, в частности в биологии, психологии, этот период фигурально именуется золотым веком — он был очень коротким, но весьма продуктивным. Не знаю, можно ли говорить о «золотом веке» в советской этнографии, но появление публикаций, сказавших новое слово не только в отечественной, но и в мировой литературе, несомненно. Среди них ранние исследования С. А. Токарева, такие как «Системы родства австралийцев» и «Родовой строй в Меланезии»; «Происхождение экзогамии» А. М. Золотарева; «Первобытный монотеизм у огнеземельцев» П. Ф. Преображенского и др.²

Но период, когда писались эти работы, был трагическим рубежом во внутриполитической обстановке в стране, и общее чрезвычайное ужесточение режима самым печальным образом сказалось на развитии советской науки и даже на такой, казалось бы, весьма далекой от текущей политики ее отрасли, как изучение ранних форм социальных институтов. В течение двух лет (1932 и 1933 гг.) марксизм был превращен из методологии в набор догм, отступление от которых представляло угрозу не только для возможности писать и публиковать свои работы, но и реальную опасность для жизни исследователя. Процесс этот выразился в канонизации теории эволюции социальных институтов первобытности, которая была разработана Л. Морганом в 60—70-е годы XIX в. и в основных чертах воспроизведена Ф. Энгельсом в знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в 1884 г. К этому добавилась догматизация отрывочных высказываний основоположников марксизма из некоторых других их работ, а также из частных писем или даже набросков к ним. В результате укоренилась следующая жесткая и внутренне очень противоречивая схема: промискуитет как самая ранняя стадия развития человеческих сообществ, затем групповой брак с двумя последовательно сменявшими друг друга формами семьи — кровнородственной и пуналуальной, одновременно формировавшийся материнский род, представлявший собой социально-экономический, производственный коллектив, затем постепенно создававшаяся в его недрах парная семья и, наконец, отцовский род и патриархальная семья, которая появляется только на стадии классового разделения. Далее вся доклассовая эпоха — это эпоха полного социального равенства. Причем это представление каким-то странным образом уживалось с понятием матриархата — гос-

подства женщин в классической первобытности. И наконец, первобытное общество — общество, где личность по существу нивелирована, люди лишены индивидуальности, неотличимы друг от друга. Утверждение такой схемы, естественно, сделало невозможным продолжение серьезных исследований в области первобытной истории, так как фактический материал по архаическим обществам нисколько не вписывался в данную схему, как не вписывались в нее и выводы исследователей предыдущего десятилетия. Теоретическая мысль не просто затормозилась в своем развитии, но оказалась отброшенной далеко назад — в 70—80-е годы XIX в. И это в то время, когда в мире в целом этнология или культурная и социальная антропология сделали огромный шаг вперед.

Медленное расшатывание негибкой и нереалистической моргановско-энгелсовской схемы началось в 1950-е годы, и, пожалуй, до сих пор она еще полностью не преодолена. Так, все еще не отвергнуты окончательно представления о промискуитете и групповом браке как особых стадиях развития брака, семьи и социальных отношений в целом³, тогда как в западной науке они давно уже признаны абсолютно безосновательными⁴. Отказавшись от представления о матриархате как о периоде господства женщин и о роде как о главной производственной ячейке первобытного общества, советская этнография все еще удерживает представление о стадильной универсальности родовой организации и об универсальности исторического соотношения материнской и отцовской филиации родовых институтов⁵ и т. п. Главное же — при изучении ранних этапов социальной истории по-прежнему сохраняет достаточно сильные позиции однолинейный эволюционизм и все еще остро ощущается недостаток функционального анализа различных явлений и институтов.

Этот краткий экскурс в историю послереволюционной науки сделает понятным без дальнейших пояснений, почему исследования такого ученого, как А. Н. Максимов, не только не получили признания в советское время, но и просто игнорировались.

Прекрасный знаток истории этнографической науки, Максимов всегда был в курсе всех современных ему теоретических направлений, но сам не принадлежал ни к одному из них. В отличие от большинства своих коллег, современников и соотечественников, он не только не испытал влияния классического эволюционизма, но в целом весьма отрицательно оценивал эволюционистские теории предшествующей эпохи, хотя это не мешало ему высоко ставить труды отдельных представителей эволюционизма, в первую очередь Э. Тайлора.

О Л. Моргане же Максимов писал в 1906 г., что, хотя заслуги его перед наукой совсем отрицать нельзя, заслуги эти «довольно специального характера и сводятся прежде всего к тому, что он первый стал собирать и изучать системы родства и свойства», но «то употребление, которое он сделал из этих систем, не только не продвинуло науку вперед, но, наоборот, повредило ей, увлекши многих ученых на совершенно ложный путь...»⁶. Популярность Морган Максимов считал своего рода недоразумением, следствием того в сущности случайного обстоятельства, что «духовные вожди германской социал-демократии, Маркс и Энгельс, сделали попытку согласовать „его теорию“ с теорией экономического материализма, хотя бы путем игры словами. По существу, — писал он, — между обеими теориями нет ни малейшей связи, восприятие Марксом и Энгельсом гипотез Моргане придало последним отпечаток какой-то как бы прогрессивности, и постепенно создавалась легенда о том, что Морган наряду с Энгельсом и Марксом был основателем теории экономического материализма. Легенда эта не имеет ничего общего с действительностью, так как Морган не только не был экономическим материалистом, но стоял скорее на противоположной точке зрения, для него история культуры — производное роста человеческого духа»⁷. Так Максимов писал в 1906 г. Сам того не подозревая, он наперед подметил главную нелепость методологического гибрида, который потом на долгие годы определил направление многих

этнографических работ в его стране. Ведь именно результатом случайного восприятия совершенно чуждых методологических начал явилось почти полное пренебрежение к этнографическому функционализму, в ряде отношений, казалось бы, близкому марксизму, а также и длительное отсутствие сколько-нибудь адекватного внимания к анализу ранних стадий развития экономики.

Гораздо более перспективным теоретическим направлением, чем эволюционизм, Максимов считал диффузионизм и особенно высоко ценил труды представителей американской культурно-исторической школы. В ряде методологических и общемировоззренческих установок он был близок к Ф. Боасу.

Он начинал научную деятельность на рубеже столетий, когда все яснее обнаруживалось, что теоретическая мысль в этнографии как бы зашла в тупик, и когда поискам универсальных решений — построениям претендующих на всемирное значение концепций эволюции социальных институтов — наиболее передовые исследователи стали противопоставлять поиски универсальных методов исследования — таких методов, которые могли бы дать гарантии от упрощений и заблуждений прежней эпохи и в то же время принести надежный и скорый успех в разрешении коренных проблем, поставленных родоначальниками теоретической этнографии.

Максимов, как уже было сказано, скептически относясь ко многим концепциям прежней этнографии, остался в стороне и от этих новых увлечений. Более того, проделанный им в первой же большой публикации (1899 г.) аналитический обзор научных методов наиболее крупных авторов конца XIX в. породил у него сомнение в принципиальной возможности, а главное, в необходимости создания универсальных исследовательских методик. Открытие метода исследования, «который мог бы служить лекарством от всех болезней», по его мнению, «не составляет безусловно необходимого элемента для возможности успеха...»⁸ В конечном счете, считал он, методика исследования в значительной мере создается заново ученым всякий раз в ходе конкретного исследования и в значительной мере определяется материалом и целями работы. Важна только строгая научная доказательность, а вопрос о способах доказательств в каждом случае должен решаться по-своему с учетом лишь самых общих методических установок, часть из которых, исходя из прошлого опыта, указывает, как не следует вести научный поиск и строить аргументацию выводов.

Среди таких негативных установок он придавал первостепенное значение отказу от всяческих умозрительных логических построений, оторванных от фактов, и от любых априорных исходных теоретических постулатов, прежде всего от «никем не доказанного», но лежащего в основе очень многих исследований положения «о единообразии развития всего человеческого рода». Именно этому априорному положению, по убеждению Максимова, этнография обязана своим теоретическим кризисом рубежа прошлого и нашего столетий, именно оно завело эту науку «в такие дебри», из которых она не смогла выбраться и во втором десятилетии XX в.⁹ Не лучшим считал он и другой довольно широко распространенный у нас до сих пор, как бы половинчатый, но тоже основанный на априорных допущениях подход: в главном человечество шло всюду одними и теми же путями, но в деталях между отдельными народами отмечаются различия, связанные с различиями местных условий. «Такая формулировка, в сущности говоря, ничего собою не выражает, потому что построена на игре словами главное и второстепенное, не заключающими в себе никакого сколько-нибудь точного содержания; она вполне равносильна другой формулировке: в развитии человеческих племен есть некоторое сходство, но есть и некоторые различия»¹⁰.

До тех пор, пока вопрос о том, как велики и что собою представляют сходства в историческом развитии различных социальных организмов, остается далеким от своего окончательного решения, Максимов полагал самым надежным с методологической точки зрения исходить из того, что человечество «всюду шло своими особыми путями»¹¹. Правда, он сам признавал это требо-

вание слишком категоричным и, справедливости ради нужно добавить, порой ему не следовало. Тем не менее он был убежден, что нарушение этого требования неизбежно ведет к ошибкам и натяжкам, и очевидно был прав, о чем свидетельствуют даже его собственные — достаточно редкие — отступления от этой установки, когда он поддавался все-таки искушению придать своим обобщениям более широкий характер, чем позволяли положенные в их основу факты.

Этой методологической установкой было обусловлено и отношение Максимова к проблеме репрезентативности данных о так называемых отставших в своем культурном развитии народах для реконструкции ранних стадий социальной истории. Считая недоказанным единообразие или, по крайней мере, кардинальное сходство развития человеческих обществ вообще, он считал его недоказанным и для ранних эпох и потому не признавал возможным по социальной организации бушменов или андаманцев судить о социальной организации исчезнувших древнейших обществ. В особенности же неоправданным методологически он находил то внимание, которое уделялось в обобщающих трудах по ранней истории человечества аборигенам Австралии. Он категорически отказывался видеть в культуре коренных австралийцев классический образец первобытной культуры. Интересно, что все свои возражения против такого подхода он изложил в дореволюционных работах, главным образом в 1899 и 1909 гг.¹², когда его критика относилась в большей мере к зарубежным, нежели к отечественным работам. Позднее в западной, в первую очередь американской и британской, антропологии этот подход был полностью изжит, а в советской послереволюционной этнографии одна за другой стали появляться публикации — исследования, популярные книги, учебные пособия, — в которых общество аборигенов Австралии представлялось как слепок древнейших первобытных обществ¹³.

Указывая на то, что в развитии различных сторон социальной жизни нет полного параллелизма и более развитые народы могут сохранять — в виде пережитков или в виде еще функционирующих явлений — отдельные черты социальных отношений, уже утраченные даже такими, казалось бы, «отсталыми» обществами, как андаманское или бушменское, Максимов настаивал на «равноправии всех народов в глазах исследователя», считая, что «особое внимание, придаваемое по тому или другому основанию известному кругу народов, всегда рискованно, так как угрожает возможностью принять местные и случайные особенности за закономерные и типические явления»¹⁴. Отсюда убеждение в необходимости использования так называемого метода пережитков, который и тогда — в конце XIX — начале XX в. — вызывал в этнографической литературе массу возражений и нареканий, но который, по его мнению, в умелых руках дает блестящие результаты. Чтобы метод пережитков, писал он, не сводился к сомнительным истолкованиям различных обычаев, необходимо всякий раз предпринимать специальное предварительное выяснение того, представляет ли данное явление остаток прошлых форм: если ученый не предполагает, а уже знает это определенно, то нет никакой опасности вводить его в исследование, строгости выводов оно не помешает; если же такое выяснение оказывается невозможным, то, разумеется, соответствующее явление следует просто оставить в стороне¹⁵.

Как представляется, эти (а также и некоторые другие) методологические и методические установки Максимова, извлеченные из во многом устаревшего историографического контекста его работ, все еще не утратили своей актуальности и задевают за живое исследователя, специализирующегося в области изучения ранних этапов эволюции социальной жизни.

В ряде крупных публикаций, особенно подготовленных в ранний период, Максимов не ставил собственных исследовательских задач, а главным образом анализировал достижения научной мысли в сфере интересовавшей его проблематики. В ходе этой работы он особенно остро критиковал как раз те эволюционистские построения, которые были канонизированы в советское время.

При этом он во многих случаях подчеркивал, что далеко не первым в мировой этнографической науке отрицает ценность всех этих гипотез и что считает свою задачу в значительной мере просветительской, связанной с состоянием отечественной этнографии.

Так, в первой своей книге «Что сделано по истории семьи?», вышедшей в 1901 г., он, опираясь на им самим тщательно подобранный фактический материал, писал о несостоятельности гипотез промискуитета, группового брака (в моргановском понимании), матриархата (как эпохи господства женщин), а также различных способов объяснения происхождения левирата, сорората, брака умыканием и экзогамии, в том числе тех, какие впоследствии получили большую популярность в советской литературе.

Позднее, в 1908 г., Максимов посвятил отдельную работу гипотезе группового брака, в которой значительно углубил свой подход к этой проблеме¹⁶. Если в 1901 г. он лишь опровергал теоретические построения Моргана, не отрицая достоверности некоторых фактических данных, как будто бы свидетелем существовавших в пользу существования группового брака у некоторых «отсталых» народов, то в 1908 г. он не только подверг более серьезной и обстоятельной критике теоретические основы этой гипотезы, но и показал, что все те примеры брачных институтов, на которые обычно ссылаются в ее подкрепление, на самом деле не являются групповым браком в полном смысле этого термина, представляют собой сугубо местные, уникальные явления, совершенно независимые друг от друга, никак не связанные между собой генетически, повсюду возникшие позднее индивидуального брака и не соответствующие действующим в тех же местах системам родства, что противоречит центральному положением гипотезы Моргана и его последователей. Со свойственным ему едким юмором и предельной ясностью в изложении мыслей он продемонстрировал чрезвычайную уязвимость предложенного Морганом и воспринятого его единомышленниками метода реконструкции исчезнувших форм семьи и брака по классификационным системам родства. «Особенно в этом отношении постарался,— писал Максимов,— Колер, не остановившийся перед реконструированием даже таких форм брака, как приписываемый им американскому племени омага, по которому мужчина, вступая в брак с какой-нибудь женщиной, становится тем самым мужем ее тетки и племянницы, а женщина, выходя замуж за какого-нибудь мужчину, становилась в то же время женой деда и племянника своего мужа... а между тем Колер не сделал всех логических выводов из этой логической схемы и, если бы продолжил свои рассуждения дальше, получил бы еще более причудливую картину организации семьи. Ведь там внушку моего брата по матери я должен звать матерью, и следовательно приходится допускать, что мой отец женился не только на моей матери, но и на ее двоюродной праправнучке, а вероятно, и на правнучке и т. д. до бесконечности»¹⁷.

Одного подобного примера было достаточно, чтобы показать, что предложенный Морганом метод логической реконструкции не работает, но, разумеется, у Максимова были наготове и другие. А если подвергнуть рассмотрению с помощью этого метода все имеющиеся в распоряжении науки системы классификационного родства, то, полагал Максимов, скорее всего получится «хаотическая картина самых причудливых форм, ничем не связанных между собой и недоступных разумному истолкованию»¹⁸.

Правда, уже в то время, когда писалась эта работа, далеко не все сторонники гипотезы группового брака брались за подобные реконструкции конкретных форм утраченных брачных отношений. Некоторые ученые предпочитали ограничиваться утверждениями, что классификационные системы родства не могут быть объяснены иначе, как существованием в прошлом группового брака. Именно этот подход, будучи, на первый взгляд, менее уязвимым для критики, получил распространение в советское время. Однако, по существу, как это отмечал и Максимов, он ни в коей мере не делает гипотезу более обоснованной.

Несколькими годами позднее Максимов предпринял тщательный анализ систем родства австралийских аборигенов¹⁹. Он собрал и обработал почти весь имевшийся в австраловедческой литературе того времени материал — 32 номенклатуры родства. Привлек множество словарей австралийских языков, а также довольно обширные сравнительные данные по системам родства иных народов. Среди других результатов исследования, имеющих по большей части сугубо специальный характер и представляющих интерес главным образом для специалистов по изучению систем терминов родства, Максимов еще раз указал на несводимость классификационных систем родства к групповому браку. Впоследствии в 1929 г. С. А. Токарев в упомянутой выше статье о системах родства австралийцев продолжил и дополнил новыми фактами начатую Максимовым работу и, в частности, подошел к аналогичному заключению.

После крутого зигзага 1930—1940-х годов, когда гипотеза группового брака принималась как непреложная, хотя и не разрабатывалась сколько-нибудь серьезно, Д. А. Ольдерогге, по-видимому первым определенно показал в своей работе 1951 г., что номенклатуры родства, как свидетельствуют многочисленные изученные им данные, не могут быть пережитком утраченных форм брака и семьи и что системы терминов родства складываются под действием многочисленных социальных факторов и чутко реагируют на все текущие изменения социальных отношений, а не консервируют черты ушедших в прошлое явлений²⁰.

Насколько мне известно, до сравнительно недавнего времени у гипотезы группового брака среди советских авторов сохранялся один решительный сторонник — Ю. И. Семенов. Однако у него эта гипотеза претерпела существенную трансформацию: под групповым браком Ю. И. Семенов понимает не реальный брак группы мужчин с группой женщин, а такую гипотетическую, оставшуюся в глубоком прошлом ситуацию, когда существовали организованные по дуальному принципу родовые объединения, члены которых были постоянными партнерами по половым связям, причем эти связи могли носить характер длительных парных отношений. Но Ю. И. Семенов не считает эти индивидуальные парные отношения браком, а квалифицирует как брак отношения между мужскими и женскими половинами гипотетических родов и даже пишет о группе — «муже» и группе — «жене»²¹. Интересно, что, как это отмечает сам Ю. И. Семенов, его интерпретация перекликается с пониманием группового брака, которое предложил когда-то Л. Файсон и которое Максимов, конечно, тоже не упустил из виду. По Файсону, групповой брак — это не брак в полном смысле, а лишь «квалификация для брака»: право представителей одной конкретной группы вступать в брачные отношения с представителями другой конкретной группы. Типичный пример — брачные классы австралийцев. По существу, такое определение, писал Максимов, предполагающее, что каждый может выбирать себе индивидуального партнера в пределах соответствующей «по квалификации» группы, ничего не определяет: «если такой порядок вещей... называть групповым браком, то существующие у нас отношения придется называть леббоковским термином „коммунальный брак“ или как-нибудь еще в том же роде, потому что у нас мужчина может жениться на любой женщине, исключая „слишком близких по крови“²². Другими словами, интерпретацию Файсона и подобные ей вслед за Максимовым можно истолковать как отказ от теории группового брака — отказ от ее сущности с сохранением одного лишь термина.

В теоретической основе многих работ Максимова выявляется одна весьма характерная тенденция — ставить под сомнение прочно укоренившиеся представления об однотипности, функциональном единстве или генетической связи определенных совокупностей явлений и находить доказательства тому, что объединяемые в одно «синхронное» единство или в генетическую последовательность явления на самом деле восходят к разным источникам, обусловлены разными причинами, имеют существенно отличающиеся функции в жизни изу-

чаемых обществ. Пожалуй, сильнее всего эта тенденция проявилась в его публикациях, посвященных проблемам родовой организации и тотемизма.

В первых своих работах (1900—1901 гг.) Максимов еще не подвергал сомнению господствовавшее тогда как в русской, так и в зарубежной науке представление об универсальности родовой организации на определенных стадиях общественного развития и даже, отступая от собственных методических установок, пытался делать умозрительные предположения относительно самых ранних, не зафиксированных этнографией этапов эволюции родовых институтов.

В зрелые годы, после многих лет более углубленного изучения фактического материала, его взгляды кардинально переменились. В 1913 г. он выпустил работу «Теория родового быта», в которой доказывал, что не было в этнографии ни одного столь распространенного и столь же неясного в своем содержании понятия, как «род», «родовой строй». Термин «род», как он показал с помощью конкретных примеров, сплошь и рядом применялся к социальным группам, весьма отличающимся друг от друга по основным признакам и, главное, по функциональным свойствам. В тесную связь с этим ставил Максимов отсутствие общепризнанного *сущностного* определения этого термина, а также то обстоятельство, что в наиболее распространенных определениях в качестве обязательных фигурировали лишь два признака, которые он считал «внешними», «формальными»: экзогамия и унилинейное родство. Отсюда в свою очередь проистекали частые затруднения ученых при попытках связать термин «род» с тем или иным конкретным социальным объединением изучаемого общества. Эти положения весьма убедительно подкреплялись конкретными материалами.

Настаивая на необходимости коренного пересмотра теории родового строя как универсальной стадии в истории общества, а также понятия «род» как универсального стадийного явления, Максимов писал, что этнографы могут говорить лишь в отдельности о роде якутов, роде тунгусов, роде ирокезов и т. д. и ни в коем случае не могут говорить о роде вообще, или о родовой организации вообще, так как нет никаких доказательств генетической связи институтов, именуемых родом у разных народов. Получить же такие доказательства, считал он, можно только в ходе глобального целенаправленного обследования, и поскольку такое обследование — целиком дело будущего, постольку теория родового строя пока неприемлема даже в самых общих формулировках²³. Позднее он сам предпринял определенные шаги по пути проверки теории родового строя путем фундаментального анализа фактического материала — занялся изучением данных о родственных группах населения обширных районов Восточной Сибири. В подавляющей своей части результаты этой работы не были опубликованы, лишь некоторые из них нашли какое-то отражение в статье «К вопросу о тотемизме у народов Сибири» (1928 г.)²⁴.

Как представляется, накопленный мировой этнографией с 1913 г. фактический материал сделал «теорию родового быта» еще менее приемлемой, чем она была во времена Максимова. Традиционные родственные институты доиндустриальных обществ оказались еще более многообразными и по своим признакам, и по своим функциям, чем они предстают в работе Максимова. Не случайно в западной антропологии и этнологии давно уже не существует категории, которая соответствовала бы нашему общему понятию «род», а используется целый набор более частных понятий, таких как клан, линидж, сиб и др., каждое из которых к тому же далеко не всегда и не всеми авторами употребляется в одном и том же смысле и применяется к вполне однотипным социальным объединениям, что отражает чрезвычайную сложность, мозаичность реальной ситуации.

Складывается впечатление, что сохранение в нашей этнографии понятия «род» как категории общей и универсальной для ранних стадий социального развития — это одно из свидетельств все еще непреодоленного влияния упрощенного эволюционизма XIX в., и поэтому, на мой взгляд, вполне в силе остаются аргументы Максимова, высказанные в 1913 г. По-прежнему это поня-

тие расплывчато и неясно, по-прежнему малосодержательны — не отражают сущности, функционального назначения — определения рода, сводящиеся все к тем же двум внешним признакам: унилинейному (или унилатеральному) счету происхождения и экзогамии, к которым иногда прибавляют третий: происхождение от одного предка — отдаленного, «непамятного», мифического, если речь идет о так называемом раннем роде, и реального, исторического или легендарного, если речь идет о так называемом позднем роде²⁵. О неудовлетворительности подобных определений свидетельствует хотя бы то, что они могут вполне подходить к таким социальным образованиям, которые ни один ученый не назовет родом. Например, австралийские фратрии или половины были экзогамны, унилинейны, и члены их во многих случаях верили в общего тотемического предка. Это отмечал и Максимов.

Все случаи употребления термина «род» на страницах наших изданий можно подразделить на две группы. К первой группе принадлежат гипотетические реконструкции древнейшего — первоначального — рода, которому нет аналогов в доживших до наших дней традиционных обществах. Эти древнейшие гипотетические роды мыслятся весьма единообразными, но при этом не выдвигается никаких убедительных соображений относительно фундаментальных причин, которые могли бы обусловить стадиальную универсальность, функциональную необходимость и единообразие таких объединений.

Ко второй группе относятся все случаи употребления термина «род» по отношению к конкретным родственным образованиям, изучавшимся этнографически у разных народов (например, «сеок» у алтайских телеутов, «гунмунгур» у австралийского племени гидийнгали или «абусау» у западноафриканских аканов), причем не всегда даже обладающим всеми тремя вышеназванными признаками, в частности, экзогамией. По своим остальным признакам и по функциям объединения, именуемые родом, чрезвычайно многообразны, часто мало похожи друг на друга. И разумеется, невозможно найти скольнибудь надежные доказательства тому, что все они восходят к древнейшим гипотетически реконструированным родам или каким-то иным однотипным институтам.

Однако мало того, что разные традиционные общества обладали сильно отличающимися родственными образованиями, которые нелегко «собрать под одной крышей», — в одних и тех же обществах порой сосуществовали, как на это указывал еще Максимов, социальные объединения, различающиеся по своим функциям, но в то же время формально подходящие под определение рода. Так, у аборигенов Австралии в некоторых обществах имелись одновременно патрилинейные локализованные экзогамные десцентные группы, матрилинейные нелокализованные экзогамные кланы и матрилинейные или патрилинейные тотемические или культовые ложи (терминология Р. и К. Берндтов и А. Элькина²⁶). У западноафриканских аканов, по сводке В. А. Попова, были экзогамные матрилинейные объединения, составлявшие иерархию трех уровней (крупные, средние и мелкие) и патрилинейные объединения, по одним сведениям — экзогамные, по другим — нет, имевшие в значительной мере религиозно-культовую функцию. Это ставит советских исследователей в особенно сложное положение. Интересно проследить, как они из него выходят. Возьмем авторов трех сравнительно недавно опубликованных книг: В. Р. Кабо, В. А. Попова и О. Ю. Артемову. В. А. Попов и О. Ю. Артемова, не договариваясь между собой, «выбирают родом» у аканов и у австралийских аборигенов ту группу, которая выполняет наиболее важные функции в экономической и социальной жизни общества, в первую очередь потому, что она локализована и обладает наиболее прочными связями с землей²⁷. При этом они ничем не могут аргументировать свой выбор, он произволен, так как устоявшиеся общетеоретические положения им здесь не помощники. В. Р. Кабо просто, по большей части предпочитает не уточнять, какие именно группы аборигенов он именуется родом. В тех же случаях, когда ему приходится упоминать

отдельные факты сосуществования матрилинейных и патрилинейных родственных групп в одном и том же обществе, он и те и другие именует родами, что, с формальной точки зрения, вполне верно²⁸. При этом никто из троих, видимо, даже не задается вопросом: а так ли уж нужно для их анализа понятие «род»? Может быть, с тем же успехом или, скорее, лучше можно обойтись и без него? Сказывается не одна лишь приверженность стандартам: ведь понятие «род» на протяжении многих лет несло не только научную, но и идеологическую нагрузку.

Одной из попыток преодолеть стереотипные подходы и идеологические ограничения в общетеоретической постановке проблемы родовой организации является опубликованная в 1989 г. в «Советской этнографии» статья А. В. Коротаева и А. А. Оболенкова, в которой предлагается максимально широкое понимание категорий «род» или «родовая организация»: отказ от традиции относить ее только к первобытным обществам и включение в нее существовавших во многих классовых доиндустриальных обществах родственных институтов, как экзогамных, так и неэкзогамных, в том числе и именуемых патронимиями²⁹. Для такого предложения безусловно есть свои веские основания, так как далеко не всегда обнаруживаются принципиальные различия между родственными структурами классовых и доклассовых обществ, а экзогамные и неэкзогамные родственные группы могут быть идентичны по своим функциям, о чем писал и А. Н. Максимов. Но беда в том, что родственные институты могут сильно различаться между собой в обществах, близких или однотипных по стадиальной атрибуции. К сожалению, в статье не учтена работа Максимова о роде. А он рассматривал также и попытки подобной предельно широкой трактовки понятия «род», справедливо указывая, что при этом оно теряет и те последние свои очертания и ту ограниченную содержательность, которые придает ему такой признак, как экзогамия. Можно добавить, что часто предельное расширение какой-то общей категории до полной ее расплывчатости — это последний шаг перед отказом от нее: он дает временную передышку, когда сохраняется лишь термин, которому остается потом «отмереть» самому собой.

Существует очень важное методологическое требование, несоблюдение которого ведет к теоретической путанице. При изучении социальных явлений необходимо строго разграничивать структурообразующий принцип и конкретные формы его реализации³⁰. Применяя это требование к рассматриваемой проблеме, следует, на мой взгляд, признать, что во всех или по крайней мере в значительном большинстве доиндустриальных обществ действовал *единый структурообразующий принцип — родство*. Социальные же объединения, формировавшиеся на основе родства — это конкретные формы реализации этого универсального структурообразующего принципа, и они могут быть и бывают столь разнообразными, что их нельзя обозначить одним и тем же термином «род». Даже в обществах с одинаковым способом жизнеобеспечения, даже в одном и том же обществе родственные объединения могут быть и экзогамными, и неэкзогамными, и унилинейными, и билинейными: их характер определяется сложным сочетанием местных условий и конкретными потребностями общества. При такой постановке проблемы вряд ли будет иметь смысл задаваться вопросом о том, есть ли генетическая преемственность между родом и патронимией, между родственными институтами с материнской и отцовской филиацией и т. п.³¹. Родственные институты не переходят друг в друга, не превращаются один в другой: они *генерируются* по одному принципу; если после матрилинейных групп появляются патрилинейные, то это новые группы, а не переродившиеся старые, а если сосуществуют и те и другие, то это самостоятельные институты с разными функциями; и один не является порождением другого. Ввиду разнообразия их форм целесообразно, очевидно, весьма дробная классификация их терминологических обозначений, но самое надежное: употреблять те названия, которыми пользуются их обладатели: сеок называть сеоком, а гунмунгур — гунмунгуром. Категория же «род» представляется вообще

ненужной. Эти рассуждения, разумеется, многим покажутся спорными, но безусловно одно — поднятые Максимовым в работе о роде проблемы все еще ждут от нас самого серьезного рассмотрения.

То же, как представляется, можно сказать о взглядах Максимова на проблему тотемизма, которые, к сожалению, ему не удалось суммировать в специальной работе. Тенденцию «смотреть на тотемизм как на общечеловеческое явление, как на стадию развития, проходимую всеми народами и всеми ими в одинаковой форме» Максимов считал глубоко ошибочной. Явления, объединяемые под названием тотемизма, даже в пределах Австралии обнаруживают очень существенные различия. Еще в большей степени расходятся те явления, которые понимают под тотемизмом в Африке (у гереро или нанди, например), а также в Америке. У множества народов не обнаружено вообще ничего похожего на тотемические представления, и нет никаких доказательств, что таковые имелись у них в прошлом. Безосновательной считал Максимов и тенденцию приписывать связываемым с тотемизмом явлениям очень раннее происхождение. Суть и происхождение тотемизма можно объяснить, писал он, только во взаимосвязи с теми культурами, в которых изучались эти проявления. В разных формах того, что называют тотемизмом, он предлагал до поры до времени в целях корректности исследовательского поиска видеть не разные стадии развития одной и той же формы общественного сознания, а различные типы явлений духовной культуры. «Только если удастся выяснить действительную природу тотемизма в конкретной культурной обстановке (например, у аборигенов Австралии.— О. А.), можно будет задаваться вопросом о том, насколько основные черты тотемизма свойственны другим народам земного шара»³², — писал он.

Наука и до сих пор не располагает прочными доказательствами того, что аналогичные по сути, а не по отдельным внешним признакам формы верований и социальных объединений (тотемические группы) существовали некогда повсеместно или хотя бы у всех изучавшихся этнографически аналогов первобытности. Между тем воспринятая многими исследователями как непреложная, гипотеза стадильной универсальности тотемизма ведет к тому, что пережитки тотемических представлений видят в самых разнообразных верованиях, связанных с животными: как свидетельства тотемизма интерпретируются самые различные археологические изобразительные памятники с зооморфной символикой. В тотемизме сплошь и рядом видят, используя выражение Максимова «убежище, к которому можно без дальнейших околичностей обратиться» во всех случаях, когда речь идет о первобытных религиозных представлениях, в то время как сам тотемизм совершенно недостаточно исследован и к тому же принадлежит такой сфере духовной культуры, где труднее всего выявляются какие-либо закономерности и где обнаруживается наиболее значительная вариативность.

Острая критическая направленность ряда работ Максимова послужила основой для высказывавшегося иногда мнения, согласно которому в трудах этого ученого почти безраздельно господствовало «разрушительное начало»: он якобы только опровергал выдвигавшиеся в литературе теории, но ничего не создавал взамен. Это мнение безусловно несправедливо. «Созидательное начало» в творчестве Максимова было не менее значительно. Критические работы — это лишь часть его наследия. Многие принадлежащие ему публикации имеют сугубо исследовательские задачи и, помимо тщательного, порой до педантизма дотошного анализа фактического материала, содержат оригинальные выводы. В ряде из них главные идеи, ради которых и были написаны работы, поражают своей нестандартностью, неожиданностью, иногда даже, казалось бы, парадоксальностью. При всей своей требовательности и строгости в отношении научной аргументации он не только делал обобщения, в которых был уверен, но позволял себе и строить гипотезы, и высказывать догадки, хотя в очень осторожной форме, непременно оговаривая отсутствие прочных доказательств у той или иной своей идеи.

Но что действительно верно, так это то, что Максимов никогда не предлагал взамен чужих глобальных, но весьма уязвимых для критики концепций своих собственных построений, столь же глобальных и столь же уязвимых для критики. От многих из тех авторов, чьи взгляды и методы работы он критиковал особенно резко, его отличает прежде всего масштаб исследовательских задач. Будучи убежден, что время для глобальных теоретических обобщений в этнографии еще не настало, что прежде, чем можно будет делать достаточно надежные широкие обобщения, эта наука должна пройти стадию тщательной обработки и систематизации конкретного фактического материала, Максимов занимался изучением отдельных, иногда довольно узких, проблем и часто при этом ограничивался доскональным обследованием источников по какому-то определенному региону — в одних случаях более, в других — менее обширному. Все эти работы с конкретными исследовательскими задачами заслуживают специального рассмотрения, и им будет посвящена отдельная публикация; здесь же скажем только о некоторых из них.

В работе «Из истории семьи у русских инородцев» (1902 г.) Максимов попытался представить последовательную аргументацию былой матрилокальности или временной дислокальности брачного поселения у многих традиционных обществ Средней Азии, Поволжья, крайнего севера Европы и Сибири. Работа эта является примером умелого и осторожного пользования методом пережитков. Особый интерес представляет последняя ее часть, где Максимов дал свое объяснение происхождению калыма. В отличие от многих ученых того времени, а также от большинства советских авторов, он полагал, что *первоначально* калым служил не платой за жену, а лишь компенсацией за приданое, т. е. за то движимое имущество, без которого женщина не могла создать свою семью и которое ей было совершенно необходимо при любой форме патрилокального поселения, а не только в условиях существования малой моногамной семьи, как это представляется в ряде советских исследований³³.

В свете фактических данных и идейного состояния современной этнографии в позиции Максимова обнаруживаются некоторые уязвимые места, как, впрочем, и в позиции его оппонентов. Проблема происхождения калыма и приданого все еще нуждается в подробном изучении. Однако в ходе решения этой задачи работа, сделанная Максимовым, могла бы быть существенным подспорьем и как обстоятельная, надежная сводка материалов, взятых из старинных источников, и как случай нестандартного подхода к их осмыслению.

В вышедшей в 1900 г. работе «Несколько слов о куваде», название которой свидетельствует об особой скромности автора и отнюдь не соответствует глубине ее содержания, Максимов предлагает искать объяснение значительной части обычаев, обозначаемых этим понятием, совсем в другой области, чем это делалось ранее и позднее³⁴. Все обычаи, к которым применялся термин «кувада», в отличие от предшествующих и последующих авторов, видевших в них некое единство, он разделил на три категории: 1) имитация родов мужчиной («мужские роды») во время родов жены; 2) всевозможные пищевые и иные ограничения и табу, соблюдавшиеся отцом до и после рождения ребенка; 3) пост и истязания отца после рождения ребенка. Каждая из трех групп обычаев имеет, по его мнению, различное назначение и происхождение. Подметив, что обычаи третьей группы — пост и истязания отца (не связанные с имитацией родов) в отличие от обычаев двух первых категорий были приурочены только к рождению первого ребенка и что рождение первого ребенка обычно ведет к повышению статуса мужчины, Максимов предложил видеть в этих обычаях некий аналог испытаниям юношей во время посвящения в ранг взрослых мужчин, вождей — при вступлении «на престол», колдунов — при посвящении в ранг специалистов и т. д., т. е. аналог обрядовым испытаниям при приобретении нового социального статуса. Характерно, что в вышедшей в 1968 г. статье А. М. Хазанова «Загадочная кувада» эта максимовская работа не упоминается, а объяснение предлагается искать в синтезе гипотез Э., Тай-

лора и И.-Я. Бахофена (последний, как известно, связывал происхождение кувады с реконструируемым им переходом от матриархата к патриархату)³⁵.

Аналогию с ритуальным посвящением в более высокий ранг проводил Максимов и при объяснении смысла некоторых свадебных обрядов, служащих, по его мнению, для испытания силы, мужества и стойкости мужчины, которые тот должен проявить, прежде чем за ним будет закреплён статус женатого, стало быть зрелого человека³⁶.

Таким образом, в его ранних публикациях нашла отражение глубокая мысль о единстве значения (при существенном разнообразии форм) целого комплекса обрядов и обычаев, которые позднее специально в совокупности исследовались А. ван Геннепом и были объединены им под названием «обряды перехода» (*rites de passage*)³⁷.

Одна из лучших работ Максимова посвящена проблеме избеганий. Сам он не пользовался термином «избегания», так как считал его недостаточно адекватным существу подразумеваемых обычаев. Желая быть более точным, он писал об ограничениях отношений между одним из супругов и родственниками другого³⁸. По тому времени это была самая полная сводка фактических данных о внутрисемейной табуации. В противовес многим другим объяснениям, возводившим истоки рассматриваемых в этой работе обычаев к таким имевшим весьма ограниченное распространение традициям, как брак умыканием, а также к таким гипотетическим или, по крайней мере, не имевшим, вероятно, всеобщего характера и происходившим в ограниченный промежуток времени *событиям*, как переход от матриликального брачного поселения к патрилокальному³⁹, Максимов опирался в своем истолковании этих обычаев на универсальные, устойчивые психологические *явления*. Возникновение их, по его мнению, следует связывать с тем, что отношения между свойственниками, в отличие от отношений между родственниками по крови, не *складываются* естественно и постепенно, а *устанавливаются* искусственно в довольно короткий промежуток времени. Родственные отношения формируются сами собой по мере роста ребенка и уже приобретают значительную определенность и прочность задолго до того, как становится доступной ребенку точная их формулировка. В силу этого «такая формулировка родственных отношений не нужна, да и затруднительна, как затруднительно точное формулирование всего основанного на навыке и традиции»⁴⁰. Отношения же по браку возникают уже для взрослого человека, и они не укладываются в готовые, воспринятые с детства формы родственных отношений, их нужно всякий раз заново строить. И этот очень трудный психологический процесс *формализуется* с помощью жесткой и мелочной регламентации и нормативного ограничения этих отношений вплоть до избегания, которое особенно часто приходится на первые после вступления в брак годы. В отличие от многих других работ Максимова эта получила весьма положительные отклики в ряде советских изданий⁴¹.

Среди региональных исследований Максимова особый интерес представляют австраловедческие, а среди последних — работа «Брачные классы австралийцев» (1909 г.)⁴². Исследовав характерные свойства и географическое распределение по материке различных систем брачных классов (секций и подсекций по современной терминологии), а также другого типа внутриплеменной структуры — двухфратриального, — А. Н. Максимов, в противовес господствовавшим тогда (а в советской литературе и позднее) концепциям, пришел к выводу об отсутствии генетической связи между этими двумя формами. Развивая этот вывод, он выдвинул гипотезу о том, что брачные классы и фратрии — это институты, восходящие к разным этническим компонентам, образовавшим коренное население Австралии. Гипотеза эта находит подтверждение при картографировании разных типов внутриплеменных структур. В механическом смешении социальных явлений, принадлежавших различным структурам, неравноценным по уровню развития, далеким по происхождению и в разное время пришедшим на континент, усматривал Максимов причину особой сложности

социальной организации аборигенов Австралии. Впоследствии в науке утвердилась иная концепция происхождения австралийцев, по которой они — весьма однородная по расовому составу и культуре масса, восходящая к одному стволу поселенцев. В числе сторонников этой концепции — В. Р. Кабо, автор единственной советской монографии на данную тему⁴³. Однако представляется, что аргументы, приведенные Максимовым, до сих пор не могут считаться вполне опровергнутыми. Высказанные им этногенетические предположения и породившая их методика анализа социальной организации, несмотря на несомненную плодотворность, не получили дальнейшей разработки в отечественных исследованиях, в том числе и в трудах по этногенезу коренных австралийцев.

Значительное внимание уделил Максимов в своих работах различным аналогиям в обрядах и традициях чукчей, коряков, ительменов и индейских обществ Северной Америки. Эти параллели, считал он, открывают широкое поле для изучения древних родственных связей между культурами крайнего Северо-Востока Азии и американского континента. Следует отметить, что он был одним из первых русских этнографов, привлечших внимание исследователей к этому многообещающему направлению⁴⁴.

Представление о творчестве Максимова не будет полным, если не сказать о написанных им рецензиях и энциклопедических статьях.

По словам С. А. Токарева, «постоянно сотрудничая в библиографическом отделе журнала „Этнографическое обозрение“, Александр Николаевич освещал в своих рецензиях все мало-мальски выдающиеся новые работы по этнографии, русские и иностранные»⁴⁵. Он с одинаковой уверенностью разбирал труды самого разнообразного содержания. Среди них книги А. Крымского «Мусульманство и его будущность», Г. Н. Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», А. Поста о зачатках государственных и правовых отношений, П. Луппова о народном образовании у вотяков, Э. Шульца о народной психологии, сборник киргизских пословиц и многие, многие другие столь же разнообразные по своей тематике⁴⁶.

Нигде так ярко не проявилась глубокая и на удивление многосторонняя эрудиция Максимова, как в рецензиях.

Не счесть разнообразных поправок и замечаний в связи с освещением фактического материала и с изложением всевозможных научных концепций, которые сделал Максимов авторам рецензируемых трудов. Характерно также, что он сплошь и рядом мог определить, откуда почерпнуты те или иные заключения, обобщения или даже фактические данные, когда сам автор не указывал источника. При этом следует подчеркнуть, что по той форме, в которой проявлялась эрудиция Максимова, очевидно, что она отнюдь не составляла предмета особой его гордости. Он обнаруживал обширные свои познания только ради разъяснения разбиравшихся им научных проблем, и без сомнения большая часть этих познаний не попала на страницы его публикаций. Это заключение находит подтверждение в воспоминаниях тех, кто был знаком лично с Александром Николаевичем, в том числе в устных отзывах о нем покойного С. А. Токарева, который рассказывал, например, что Максимов знал поименно состав палаты лордов за многие годы. «Зачем это ему нужно было?» — с недоумением пожимал плечами Сергей Александрович, как никто другой прославившийся в советском этнографическом мире своей эрудицией.

Максимову свойственно было одинаково откровенно высказывать критику в адрес соотечественников и зарубежных коллег, малоизвестных начинающих авторов и маститых ученых с мировым именем, как, например, Дж. Фрэнсер или лорд Эвбери (Дж. Лёббок). В то же время он всегда стремился подчеркнуть и положительные стороны, если это можно было сделать, не покривив душой. Однако отрицательные он разбирал куда подробнее, считая, что достоинства «говорят сами за себя», а недочеты могут остаться незамеченными, если критик не обладает обширной эрудицией и критическим складом ума. В критике он мог быть и весьма мягок, и просто-таки беспощаден, хотя никогда не выходил за рамки академической корректности.

Отдельные фактические ошибки, неполноту фактического материала, невыдержанность в логике авторской мысли он обычно отмечал весьма сдержанно. Куда суровее подходил к тенденциозному, подчиненному авторской концепции подбору фактических данных, к сознательному искажению действительности в угоду теории и другим нарушениям научной этики, например, замалчиванию заслуг научных предшественников. Больше же всего от него доставалось скороспелым глобальным построениям, обнаруживавшим непомерные авторские претензии и бесцеремонное обращение с наукой.

Разбирая серьезные теоретические труды, такие, например, как «Тотемизм и экзогамия» Дж. Фрэзера, Максимов нередко включал в рецензии те свои идеи и гипотезы, которые ему не удалось отразить в отдельных публикациях. Еще в большей мере это относится к статьям в словаре Граната. Многие из них — это небольшие оригинальные теоретические работы. Таковы статьи «Тотемизм», «Гадание», «Магия», «Ассимиляция», историческая статья «Перу».

Большой интерес представляют также статьи об отдельных выдающихся ученых — в частности об Э. Тайлоре, — как и некрологи многих деятелей науки, в которых Максимов отнюдь не стремился писать только положительное, а давал объективную оценку работам умерших. Особенно хочется отметить некролог Э. Лэнга, где в блестящей литературной форме представлена редкая индивидуальность этого разностороннего исследователя, поэта и писателя⁴¹.

После революции 1917 г. Максимов выпустил одну небольшую сугубо популярную книжку «Какие народы живут в России» (1919 г.) и замолчал до 1927 г., прекратив писать даже рецензии, хотя именно в это время он мог целиком посвятить себя этнографической работе, «освободившись» от журналистской и редакторской деятельности в «Русских ведомостях».

Должно быть, наблюдая, как в отечественной науке берет верх все то, на борьбу с чем он потратил столько усилий в прошлом, он испытал нечто вроде шока или же обесценивающее чувство безнадежности. Он, разумеется, не включился в общую деятельность по разработке марксистских методов этнологического анализа, и те работы, которые он стал публиковать позднее — в конце 1920-х годов — ничем по своим методам не отличаются от дореволюционных исследований. Характерно, что если в дореволюционных публикациях он порой, когда этого требовал историографический контекст, упоминал К. Маркса и Ф. Энгельса, то в послереволюционных работах мы не найдем ни одного упоминания, ни одной ссылки на них, как будто их никогда не существовало. При этом можно не сомневаться, что он не имел никаких иллюзий относительно происходящего в стране. Единственная сохранившаяся у его родственников памятная вещь — указатель постоянных авторов «Русских ведомостей». В нем против многих и многих фамилий бывших соратников по партии кадетов лиловыми чернилами рукой Максимова отмечено: «разстрелянь, разстрелянь, разстрелянь...»

После революции Максимов не стал вновь писать о вопросах брака и семьи, родовой организации, получивших большую, но безусловно запоздавшую, популярность в нашей стране, а занялся тем, что тогда мало кто из его коллег делал — изучением ранних форм хозяйства. В 1927 г. вышла его работа, посвященная проблеме происхождения скотоводства⁴². Она заслуживает самого серьезного анализа, для которого мне не хватает специальных знаний. Поэтому отмечу только, что в период борьбы за материалистическое понимание истории Максимов искал корни domestikации животных в психологии первобытного человека. Он полагал, что первоначальным стимулом одомашнивания было «любительство» — психологическая потребность человека в контакте, соседстве с животными. Лишь постепенно, по его мысли, из друзей, любимцев, забавы домашние животные превратились в скот, который раньше всего начали использовать как транспортное средство, позднее — доить, и только в последнюю очередь стало развиваться мясное хозяйство. По-видимому, в свете современных археологических данных многие этнографические аргументы, которые приводил Максимов в пользу своей гипотезы, не выглядят достаточно

убедительными и страдают односторонностью⁴⁹. Вместе с тем центральное положение о неутилитарных мотивах первоначальной domestikации до сих пор, как представляется, сохраняет и сильную сторону: чтобы одомашнивание удалось, человеку надо было на долгое время отрешиться от установки на поедание мяса животных, которых он хотел содержать. Симптоматично, что в 1980-е годы идеи Максимова о происхождении скотоводства зазвучали в унисон с разрабатываемой в советской теоретической психологии концепцией неадаптивной и неутилитарной деятельности как универсальной потребности человека и как мощнейшего фактора прогресса всей человеческой культуры в целом и материально-технического прогресса в частности⁵⁰.

В другой вышедшей в следующем же году работе Максимов предложил свое решение проблемы происхождения оленеводства⁵¹. Причем он считал это решение в самых общих, принципиальных положениях окончательным (что с ним бывало крайне редко). И действительно, основные выводы этой работы вполне выдержали проверку временем, а те, которые не получили поддержки в дальнейших исследованиях, не могут в то же время считаться и вполне опровергнутыми⁵².

Близко подошел Максимов в эти годы и к проблеме возникновения земледелия. Очевидно, на подготовительном этапе ее изучения он написал работу об австралийском собирательстве «Накануне земледелия» (1929 г.)⁵³. Обобщив собранный буквально по крупицам фактический материал (в то время собирательскому хозяйству уделялось очень мало внимания в австраловедении), он пришел к выводу, что аборигены Австралии пользовались техническими приемами сбора урожая диких корнеплодов и злаков, а также обработки зерен, корней и клубней перед употреблением в пищу, в основных чертах сходными с соответствующими приемами земледельческих народов, что в свою очередь привело его к утверждению, что уже в рамках собирательского хозяйства сложились такие условия, при которых для перехода к земледелию не приходилось «проделывать какую-либо революцию и не приходилось усваивать сразу большое количество каких-либо новых приемов и навыков».

В 1930 г. Максимов выпустил небольшую книгу «Материнское право в Австралии»⁵⁴, вернувшись все-таки к теме, по которой он так много писал до революции. Этот шаг выглядит как последняя попытка внести спокойную и разумную струю в бурный поток упрощенного эволюционизма. Вопреки все более жестко укреплявшемуся представлению о материнском праве как о матриархате (господстве женщин) и как об универсальном для первобытности явлении, он не только утверждал, что материнским правом следует называть всего лишь материнскую филиацию родственных групп, но и доказывал, что характер этих групп, их функции, их географическое распространение и их историческое соотношение с группами, имевшими отцовскую филиацию, остаются в этнографии совершенно неисследованными. И пока это так, невозможно определить историческую роль феномена материнской филиации в ходе развития социальной организации. Чтобы внести ясность в этот вопрос хотя бы в рамках одного, достаточно ограниченного региона, он и предпринял это исследование. Оно убедительно показало, что матрилинейные и патрилинейные социальные объединения могли сосуществовать в одном обществе, выполняя в его жизни различные функции и не будучи связаны между собой генетически. Отсюда неизбежно следует сомнение в научной корректности самой постановки дискутировавшегося до недавнего времени вопроса об историческом соотношении материнского и отцовского рода (что первично, что вторично; был ли и на каком этапе развития первобытного общества переход от одного к другому).

Это была последняя крупная публикация А. Н. Максимова. За 11 лет (с 1930 по 1941 г.) вышла из печати только одна небольшая чисто информативная рецензия на библиографию А. А. Попова по шаманизму Северной Азии. В том же 1930 г. Максимов был уволен из университета, дальнейшая официальная деятельность его ограничилась библиографической работой в Ленинской библиотеке. Там его трудам принадлежит этнографическая картотека, занимаю

шая 80 каталожных ящиков (70—80 тысяч карточек, написанных от руки).

Он умер в 1941 г. 69 (почти 70) лет от роду в своей постели. Наверное, главная его жизненная удача в том, что ему посчастливилось уцелеть, не поступившись — по крайней мере в печати — ни одним из своих убеждений.

Самая поздняя из работ Максимова была опубликована 61 год назад. Тем не менее в его трудах мы находим сравнительно немного положений, устаревших бесповоротно. Причины тому — исключительная тщательность при изучении фактических данных, сугубая осторожность при обобщениях, и, конечно же, нетускнеющее обаяние критического ума.

Все максимовские публикации невелики по объему. Он обладал даром писать коротко, но насыщенно, умел в нескольких словах передать этнографический колорит. Ему был свойствен своеобразный юмор, придававший его стилю привлекательную остроту. Его статьи и книги закрываешь с сожалением, испытывая довольно редкое при чтении научных трудов желание, чтобы они были подлиннее.

А. Н. Максимов принадлежал к тому редкому типу исследователя, в котором счастливо сочетаются талант оригинального мыслителя, незаурядное литературное дарование и не менее ценное для научной деятельности качество — интерес к науке, научной истине, куда более сильный, чем интерес к «себе в науке», к своей собственной научной карьере, к признанию своих достижений со стороны научной общественности и т. д. Именно поэтому А. Н. Максимов выбрал такой путь в науке, который был полон кропотливого «чернового труда» по обработке сырого материала и критическому анализу достижений научной мысли — путь, представляющий мало пищи для честолюбия. Именно поэтому он был чрезвычайно взыскателен по отношению к собственному труду и без сожаления пересматривал свои прежние выводы. Именно поэтому и в себе и в других ученых более всего ценил самостоятельность научных позиций и свободу исследовательской мысли. Все это позволяет отнести к нему его собственные слова, сказанные в 1913 г. о В. Ф. Миллере. Этими словами А. Н. Максимов не просто пытался определить индивидуальность выдающегося ученого, но в известном смысле выразил свой собственный идеал исследователя — идеал, к которому он всегда стремился и к которому подошел очень близко: «Вся его многолетняя деятельность была проникнута духом свободного искания, духом свободной научной критики, которая не может остановиться перед посторонними авторитетами и перед которой замолкает голос собственного самолюбия. Вот эта сторона и делает для нас особенно привлекательной его научную деятельность, придает ей высшую моральную ценность»⁵⁵.

Выражаю большую благодарность за оказанную мне при подготовке этой работы помощь родственникам А. Н. Максимова: С. В. Поповой, М. П. Светицкой, М. П. Святицкому, А. М. Сигоскому, Ю. В. Чудинову. Хорошие советы мне также давал покойный С. А. Токарев, считавший себя отчасти учеником А. Н. Максимова.

Примечания

¹ Токарев С. А. А. Н. Максимов (некролог) // Сов. этнография. Сб. статей. Вып. VI—VII. М.: Л., 1947.

² Токарев С. А. О системах родства австралийцев // Этнография. 1929. № 1, *е го ж е*. Родовой строй в Меланезии // СЭ. 1933. № 2—6; Преображенский П. Ф. Первобытный монотеизм у огнеземельцев // Уч. зап. Ин-та истории (далее — УЗИИ). М., 1929. Т. 3.

³ Семенов Ю. И. Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной общины. М., 1986. С. 75—76; С. 100—120.

⁴ Pilling A. R. Southeastern Australia: Level of Social Organization // Man the Hunter. Chicago, 1968. P. 138.

⁵ Першиц А. И. Заключение // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 548—549.

⁶ Максимов А. Н. Мак-Леннан и Морган // Этнографическое обозрение (далее ЭО). 1906. № 3—4. С. 309.

⁷ Там же. С. 310—311.

⁸ Максимов А. Н. К вопросу о методах изучения истории семьи // ЭО. 1899. № 4. С. 34—35.

- ⁹ Максимов А. Н. Работы М. М. Ковалевского в области первобытного права // ЭО. 1916. № 1—2. С. 60—61.
- ¹⁰ Максимов А. Н. К вопросу... С. 20.
- ¹¹ Там же. С. 20—21.
- ¹² Там же. С. 23—24; Максимов А. Н. Брачные классы австралийцев // ЭО. 1909. № 2—3. С. 1—32.
- ¹³ Например, Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. 1. Введение. Тотемическое общество. Родовое общество. М., 1924; Никольский В. К. Очерки первобытного человечества. М., 1926; Толстов С. П. Проблемы родового общества // СЭ. 1931. № 3—4.
- ¹⁴ Максимов А. Н. К вопросу... С. 24.
- ¹⁵ Там же. С. 27—28.
- ¹⁶ Максимов А. Н. Групповой брак // ЭО. 1908. № 3. С. 1—48.
- ¹⁷ Там же. С. 3—4, 7—8.
- ¹⁸ Там же. С. 7.
- ¹⁹ Максимов А. Н. Системы родства австралийцев // ЭО. 1912. № 1—2. С. 35—100.
- ²⁰ Ольдерогге Д. А. Малайская система родства // Родовое общество. Материалы и исследования. Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. М.; Л., 1951. Т. XIV.
- ²¹ Семенов Ю. И. Завершение ... С. 111—120.
- ²² Максимов А. Н. Групповой брак. С. 11.
- ²³ Максимов А. Н. Теория родового быта // Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913.
- ²⁴ Максимов А. Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири // Уч. зап. Ин-та истории (далее УЗИИ). Т. 7. М., 1928.
- ²⁵ Довольно полная сводка имеющихся в советской литературе определений рода дана в статье: Коротаев А. В., Оболенков А. А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // СЭ. 1989. № 2.
- ²⁶ Berndt R., Berndt C. The World of the First Australians. Sydney, 1977. P. 40—43; 92—96; Elkin A. Australian Aborigines. Sydney, 1979. P. 118—121; 183.
- ²⁷ Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI—XIX веках. М., 1990. С. 82—87; Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). М., 1987. С. 28—31.
- ²⁸ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 35—82.
- ²⁹ Коротаев А. В., Оболенков А. А. Указ. раб.
- ³⁰ Попов В. А. Указ. раб. С. 21.
- ³¹ Крюков М. В. О соотношении родовых и патронимической (клановой) организации // СЭ. 1967. № 6; Першиц А. И. Патронимия // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- ³² Максимов А. Н. Тотемизм // Русский энциклопедический словарь Граната. Т. 41—IX, стб. 19.
- ³³ Максимов А. Н. Из истории семьи у русских инородцев // ЭО. 1902. № 1; Косвен М. О. Брак-покупка // Красная новь. 1925. № 2. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. М., 1959.
- ³⁴ Максимов А. Н. Несколько слов о куваде // ЭО. № 1.
- ³⁵ Хазанов А. М. Загадочная кувада // СЭ. 1968. № 3.
- ³⁶ Максимов А. Н. Из истории... С. 154—159; его же. Об одном свадебном обряде // ЭО. 1908. № 4.
- ³⁷ Gennep A. van. Les rites de passage. P., 1909.
- ³⁸ Максимов А. Н. Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого // ЭО. 1908. № 1, 2.
- ³⁹ Обзор предлагавшихся способов объяснения происхождения избеганий см. там же; более современная сводка в книге: Смирнова Я. С. Семья и брак у народов Северного Кавказа. М., 1983. Там же дается анализ предложенного Максимовым объяснения, которому отчасти противопоставлено иное — С. 40.
- ⁴⁰ Максимов А. Н. Ограничение... С. 75.
- ⁴¹ Например, Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1969. С. 237. сл.; Смирнова Я. С. Указ. раб.
- ⁴² Максимов А. Н. Брачные классы австралийцев // ЭО. 1909. № 2—3.
- ⁴³ Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- ⁴⁴ Максимов А. Н. Групповой брак. С. 33—39; его же. Об одном свадебном обряде; его же. Превращение пола // Русский антропологический журнал. 1912. № 1.
- ⁴⁵ Токарев С. А. А. Н. Максимов. С. 332.
- ⁴⁶ Список рецензий А. Н. Максимова, как и список всех его этнографических публикаций приложен к некрологу, написанному С. А. Токаревым, см. примеч. 1.
- ⁴⁷ Максимов А. Н. Эндрью Ланг (некролог). // ЭО. 1912. № 3—4.
- ⁴⁸ Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов // УЗИИ. Т. 2. М., 1927.
- ⁴⁹ Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- ⁵⁰ Асмолов А. Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 1986. № 1.
- ⁵¹ Максимов А. Н. Происхождение скотоводства // УЗИИ. Т. 6. М., 1928.
- ⁵² Шнирельман В. А. Указ. раб.
- ⁵³ Максимов А. Н. Накануне земледелия // УЗИИ. Т. 3. М., 1929.
- ⁵⁴ Максимов А. Н. Материнское право в Австралии. М.; Л., 1930.
- ⁵⁵ Максимов А. Н. Научные методы В. Ф. Миллера в этнографии // ЭО. 1913. № 3—4. С. 37.